

УДК: 130.2(091)
ББК: 87.3(2)-8

Психологические науки

Концептуальное осмысление чуда русскими философами «Серебряного века» (на примере концепций А.Ф. Лосева и И.А. Ильина).

© В.С. Савостьянова, Л.С. Семина

Савостьянова В.С. – МБОУ «Гимназия №44» города Курска, учитель истории и обществознания.
E-mail: siimpilove@gmail.com

Семина Л.С. – МБОУ «Гимназия №44» города Курска, учитель истории и обществознания.
E-mail: siimpilove@gmail.com

Адрес: 1305004, г. Курск, пер. Блинова, 7-а, Российская Федерация.

АННОТАЦИЯ

В статье раскрывается концептуальное осмысление чуда в истории русской философии А.Ф. Лосевым и И.А. Ильиным. Подробно свою концепцию А.Ф. Лосев излагает в работе «Диалектика мифа», И.А. Ильин в «Аксиомы религиозного опыта: исследование». С точки зрения А.Ф. Лосева, чудо происходит тогда, когда происходящие события можно интерпретировать как соответствующие некоей идеальной схеме, имеющей для личности важный ценностный характер. Лосевская теория чуда, представляя собой некое соответствие идеи и эмпирии, она носит полемический характер. Одним из его оппонентов в понимании данного феномена, был Иван Александрович Ильин. Концепция Ивана Ильина сводится к тому, что чудо есть проявление сверхъестественных сил в этом одно из расхождений с концепцией А.Ф. Лосева.

Ключевые слова: чудо, диковинное, сверхъестественное чудо, мифологическое, естественнонаучное чудо, концепция А.Ф. Лосева, концепция И.А. Ильина.

Наиболее подробно в истории русской философии, понятие чуда разбирается в работе А. Ф. Лосева «Диалектика мифа». Определение чуда, которое дает Лосев изыскано, оригинально: «Совпадение случайно протекающей эмпирической истории личности с ее идеальным заданием и есть чудо»[3, 555].

С точки зрения А.Ф. Лосева, чудо происходит тогда, когда происходящие события можно интерпретировать как соответствующие некоей идеальной схеме, имеющей для личности важный ценностный характер. «Мы видим чудо тогда, когда обнаруживаем, что факты укладываются в эту схему»[5].

Соответствовать схеме не так просто, «нужно считать удивительным, странным, необычным, чудесным, когда оказывается, что личность в своем историческом развитии вдруг, хотя бы на минуту, выражает и выполняет свой первообраз целиком, достигает предела совпадения обоих планов, становится тем, что сразу оказывается и веществом, и идеальным первообразом. Это и есть настоящее место для чуда»[2, 549]. В данном контексте, следует помнить о том, что чудо, именно диалектический синтез двух планов личности, в основе которого лежит первообраз ее исторического развития. Полнота выявления связи зависит от определенных условий, имеющих связанность с реально историческим положением. «Возьмем исцеления, имевшие место в святилищах Асклепия в Древней Греции. Все знали, что Асклепий – бог здоровья и помогает больным. Все знали, что он помогает даже тогда, когда ему никто не молится о выздоровлении. Наконец, все знали, что жрецы употребляли всякие медицинские средства для вылечивания приходящих больных, вплоть до их оперирования. И все-таки такое исцеление в святилище Асклепия есть чудо. Почему? Потому что стало видно, как Асклепий помогает больным. Надо было прийти, надо было молиться; надо было, чтобы помог

именно этот бог и именно в этом святилище; и т.д. Все тут объяснимо механически; и благочестивый грек вовсе и не думал, что тут есть что-нибудь неестественное. Все произошло совершенно естественно. И вот все-таки больной выздоровел. Тысячу раз все шло естественно, и даже всегда все идет естественно, всегда и непреложно действуют механические законы. И вот почему-то вчера этот больной, при одних и тех же механических законах, не выздоровел, а сегодня, опять-таки при одних и тех же механических законах, но только в условии новых фактов (он пришел к Асклепию, он молился и т.д.), он почему-то выздоровел. Ясно, что новое, наблюдаемое сегодня, заключается не в том, что сегодня Асклепий действовал, а вчера нет (боги действуют всегда), и не в том, что сегодня были нарушены физиологические законы, а вчера их никто не нарушал (законы всегда одинаковы, и их и нельзя нарушать и некому нарушать). Новое – в том, что сегодня стала ясной, видной обычно плохо замечаемая связь реальной жизни больного с ее идеальным состоянием, когда она, по близости к божеству, пребывает в вечно блаженном и безболезненном состоянии»[2].

Следует, что в основе своей чудо, олицетворяет характер, удивительного знаменья, извещения, как бы пророчества, раскрытия, а не наличие самих фактов, не наступления событий. То есть это некая модификация смысла фактов и событий, а не самые факты и события. Соглашаясь с А.Ф. Лосевым, замечаем, что человека, который видит, знает чудо, убедить в обратном очень сложно, а скорее невозможно. «Применивший какую-нибудь чудесную вещь (например, какой-нибудь амулет) для лечения своей болезни имеет полное логическое право возражать скептику так: вы говорите, что я вылечился от вашего медицинского средства, а я утверждаю, что я вылечился от того, что помазал больное место этим священным маслом; то и другое средство

были употреблены: почему вы думаете, что подействовала медицина, а не чудо, да и сама медицина, которая отнюдь не всегда действенна, не является ли тут чем-то закономерным и зависящим от идеальных причин? Разубедить такого человека невозможно, потому что логически невозможно доказать, что амулет не действовал, раз известно, что медицинское средство тоже не всегда действует одинаково»[2].

Человек уникальное творение, сама личность, ее жизнь, история сочетает в себе казалось бы нам не совместимое, но именно в ней (личности), видим «сразу пять моментов, абсолютно отождествленных в одном мгновенном ее лике и различаемых только в абстракции: 1) отвлеченную идею этой жизни (он, например, человек, русский, такого-то века или десятилетия, государственный деятель, солдат, крестьянин и т.д.); 2) текучий поток жизни, воплощающий эту идею и как бы вещественно разрисовывающий ее в новую живую данность; 3) идеальное состояние его, когда он является максимально выразившим свою отвлеченную идею; 4) первый момент – в свете третьего, или прибавление к отвлеченной идее, получаемое от идеала, или как бы перечисление всего, что содержится в идеале, отвлеченное выражение идеала; 5) второй момент – в свете третьего, или прибавление к пустой алогической длительности, получаемое от идеала, когда она становится реально-жизненным ликом личности»[2, 552]. Совпадение моментов, выполнение идеи, есть чудо.

Основываясь на этом, Лосевская теория чуда, представляя собой некое соответствие идеи и эмпирии, она носит полемический характер, Лосев, противоборствует с двумя традиционными представлениями о том, что чудо представляет собой вмешательство высшей силы, и что, чудо представляет собой нарушение законов природы, т.е. сверхъестественное явление.

В данной полемике Лосев отталкивается от определения чуда, принадлежащего перу епископа Феофана Кронштадтского: «Христианское чудо есть видимое, поразительное, сверхъестественное явление (в физическом мире, в телесной, в духовной природе человека и в истории народа), производимое личным, живым Богом для достижения человеком религиозно-нравственного совершенствования»[4, 96].

Обыденный взгляд на чудо как сверхъестественный феномен предполагает его понимание как того, что не соответствует норме, в то время как Лосев, «видит в чуде соответствие, а именно соответствие некоему идеалу. Сопоставление двух этих обстоятельств и приводит к выводу, что соответствие события идеальному заданию личности есть явление редкое, противоречащее нормам данного мира»[5].

Лосев пишет, «Вот шел человек по улице; сорвался с постройки огромный камень и умертвил его. Что, этот камень падал по законам механики? Безусловно. А что, шедший человек шел как автомат и механизм, и не мог не идти именно так? Допустим даже и это. И что же? И вот все-таки непонятно, почему же это вдруг так случилось. Представим себе, что человек в этот день не шел бы мимо роковой постройки. Нарушились бы тогда законы природы? Вовсе нет. А смерти тоже бы не произошло. Ясно, что с точки зрения законов природа совершенно все равно, будет ли этот человек задавлен камнем или нет, ибо, повторяю, законы природы суть установки абстрактно-механические, и они равным счетом ничего не говорят ни о какой реальной истории, и, в частности, об истории их собственного применения к тем или иным фактам или временам... Явления, совершенно точно вытекающие из системы мирового механизма, могут быть иной раз гораздо большим чудом, чем то, о котором неизвестно, какому механизму и каким законам природы оно следует»

[3, 542-543].

Учитывая такой подход и понимание, Лосевского определения чуда как воплощения идеи личности, индифферентного к проблеме соответствия или несоответствия законам природы, достаточно оригинально.

Одним из его оппонентов в понимании данного феномена, был Иван Александрович Ильин.

Концепция Ивана Ильина сводится к тому, что чудо есть проявление сверхъестественных сил в этом одно из расхождений с концепцией А.Ф. Лосева. «Люди смутно чувствуют, что мир не сводится к повседневному, поверхностному; что за «явным» должно скрываться что-то «тайное»; за доступным – недоступное; за силами природы и человека – некие высшие сверхсилы» [1, 211-212] – пишет Иван Ильин.

Наличие чуда в концептуальном осмыслении, у Ильина, неоспоримо. Понимание его как феномена, без которого трудно представить жизнь, зависит от ряда факторов, где интеллект, образованность субъекта, играют немаловажную роль в социокультурном предназначении. К примеру, «для любопытного привлекательна «всякая новость»: он воспринимает все поверхностно и поэтому ему все скоро надоедает, но и для «нового» у него нет ни взора, ни глубины, оно «выдыхается» для него так же скоро, как и старое» Он – жизненный «сноб», безответственный собиратель поверхностных сведений»[1, 211].

Как известно поверхностные сведения не приносят человеку достоверную информацию, и избежания ошибок, Иван Ильин, как бы напоминает нам, человек не потерял для общества, ему свойственна любознательность. «Людей «интересуют» теоретические вопросы, связанные с «чудом», с «тайной» и со всем «потусторонним». Они хотят «исследовать» в чем тут дело, есть ли здесь что-нибудь «реальное» – или же одни «иллюзии» и «фантазии». Они обнаруживают нередко серьезность, добросовестность и

основательность в изучении. Они готовы беспристрастно наблюдать, экспериментировать и протоколировать»[1, 211-212]. И тут же, что бы мы не забывали, он как бы нас «бьет полбу», говоря, «Духовное можно исследовать и понимать только духом, всякая попытка уразуметь его помимо духовного акта – неизбежно сведет его к психологическим банальностям и почти ничего не выражающим констатированиям или не-констатированиям внетелесных феноменов...»[1, 212]. Так, как чудо, по определению мы относим к сфере духовной, «исследовать ее приемами математически-механического естествознания, которые скоро иссякают и оказываются неудовлетворительными. Эти приемы улавливают только внешне-чувственный состав исследуемых явлений, который отнюдь не составляет самого существа «чудесно-таинственной» сферы, но лишь ее поверхностный, «материализованный» слой. Уже для психического состава всей этой области у таких исследователей не находится ни верного акта, ни испытанных, успешных приемов, а одни догадки и гипотезы. Что же касается самого существенного, духовного состава этой сферы, заключающего в себе весь ее смысл и дающего ключ к ее разумению, то он ускользает обычно от эмпирических исследователей – целиком или почти целиком» [1, 212].

Мало быть любопытным или любознательным, необходимо прочувствовать внутренний потенциал, который можно раскрыть с помощью духовной просвещенности.

Общечеловеческая жажда «чудесного-таинственного» настолько бывает сильна где-то необъятна, что приходится говорить о чувстве слабости и беспомощности, перед окружающим его миром.

Иван Ильин, как бы напоминает нам, человеку свойственен страх (невиданный, тревожащий человека, с древних времен до ныне), жажда к исцелению, к примеру, от болезни, страдания

(возникающее порой из чувства слабости и беспомощности), властолюбие, все это является неким толчком или даже причиной появления того, что человек называет чудом. Чудесное не должно восприниматься как дело пользы, успеха или выгоды; оно измеряется совсем иными «мерилами и ищется из совсем иных побуждений»[1].

Действительно, человек чудо – ищет, признает, возможно придумывает, так что же такое происходит. То о чем, не забыл упомянуть Ильин, уже «психологически естественно и понятно, что человек жаждет чудесного и преклоняется перед чудом» Будучи религиозным философом он не мог не продолжить мысль в религиозном контексте «но тот, кто действительно ищет путей к Богу и желает приобрести и выносить в душе настоящий религиозный опыт, должен, прежде всего, не придавать «чуду» особого значения и преодолеть в себе беспокойное искание «чудес». Он должен приучить себя к мысли, что «религиозное» и «чудесное» не одно и то же; что путь, ведущий через «чудеса», есть самый легкий, самый общедоступный и самый

недоверенный путь (ибо бывают ложные чудеса!); что этот путь может привести отнюдь не к религиозному опыту, а может и совсем увести от Бога; и что сущность чуда постигается верно не на первых ступенях религиозного восхождения, а лишь на более высоких»[1, 216-217].

Чудо есть, его не может не быть, так представляется И. Ильиным, свершившейся «факт», наличие которого неоспоримо в контексте наличествующей природы. И пусть «событие это никаким действием известных нам естественных сил необъяснимо и мы должны допустить наличие неизвестных, сверхъестественных причин, сил и оснований. Чудо и есть подлинное проявление этих сверхъестественных сил»[1, 217-218].

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить то, что наличие концептуального обоснования чуда, имеет место быть в социокультурном сознании как таковом, ведь чудом по сути наполнена наша жизнь, а наличие разных концепций и подходов, говорит об актуальности данного феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин И. Аксиомы религиозного опыта: исследование / И. Ильин, - М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. - С.211-228.
2. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев, - М., 1994. - С. 549
3. Лосев А. Ф. Из ранних произведений / А.Ф. Лосев, - М., 1990. - С. 555
4. Феофан Кронштадский, еп. Чудо. Христианская вера в чудо и ее оправдание // Опыт апологетически-этического исследования. Пг., 1915. С. 96.
5. Фрумкин К.Г. Философия и психология фантастики / К.Г. Фрумкин, - М.: Едиториал УРСС, 2004. - 240с.

THE CONCEPTUAL UNDERSTANDING OF A MIRACLE IN THE HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY A.F. LOSEV AND I. ILYIN

© Vera S. Savostyanova, Lyubov S. Semina

Savostyanova Vera S. - Grammar school number 44 of Kursk, a teacher of history and social studies.
E-mail: siimpilove@gmail.com

Semina Lyubov S. - Grammar school number 44 of Kursk, a teacher of history and social studies.
siimpilove@gmail.com

Address: 305004, Kursk, trans. Blinov, 7-a. Russian Federation.

Abstract

The article reveals the conceptual understanding of a miracle in the history of Russian philosophy A.F. Losev and I. Ilyin. Detail his concept of Losev poses in the «Dialectics of Myth», I. Ilyin in the «Axioms of Religious Experience: A Study». From the viewpoint of A.F. Losev, a miracle occurs when the events can be interpreted as corresponding to some ideal scheme, which has the most important value to the individual character. Losevskaya theory miracle, representing some relevant ideas and empirical data, it is polemical. One of his opponents in the understanding of this phenomenon was Ivan Ilyin. The concept of Ivan Ilyin boils down to is that a miracle is a supernatural manifestation of this is one of the differences with the concept of A.F. Losev.

Key words: miracle, bizarre, supernatural miracle, mythological, science miracle, the concept of A.F. Losev, the concept of Ivan Ilyin.

REFERENCE

1. Il'in I. Aksiomy religioznogo opyta: issledovaniye / I. Il'in, - M.: AST: AST MOSKVA, 2006. - S.211-228.
2. Losev A.F. Dialektika mifa / A.F. Losev, - M., 1994. - S. 549
3. Losev A.F. Iz rannikh proizvedeniy / A.F. Losev, - M., 1990. - S. 555
4. Feofan Kronshtadskiy, yep. Chudo. Khristianskaya vera v chudo i yeye opravdaniye // Opyt apologeticheski-eticheskogo issledovaniya. Pg., 1915. S. 96.
5. Frumkin K.G. Filosofiya i psikhologiya fantastiki / K.G. Frumkin, - M.: Yeditorial URSS, 2004. - 240s.